Накануне 75-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне редакция журнала «Сибирь» решила опубликовать заключительную главу из книги одного из ярчайших военачальников минувшей войны, главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова «Дальняя бомбардировочная…».

А.Е. Голованов был первым начальником Восточно-Сибирского управления Гражданской Авиации. Много сделал для развития авиации нашего края. В 1942 году стал первым командующим Авиации Дальнего Действия. Всю войну собранная в один мощный кулак бомбардировочная авиация наносила удары по глубоким тылам противника, в том числе и по Берлину. За этими полетами стояли воля, энергия и организаторские способности А.Е. Голованова. В его жизни были взлеты и падения. Но всегда маршал оставался верен выбранному им курсу служения Родине.

* * *

Хочу высказаться и о некоторых наших полководцах. Вообще-то говоря, точных определений, кто может или должен, или имеет право считаться полководцем — нет. Во всяком случае, полководцем следует, как мне кажется, называть человека, который своим искусством, своим военным талантом, своим дарованием одерживал победы над врагом не числом, а умением, как говорил Суворов. Надо полагать, что относить к полководцам мы можем лиц, которые командуют в современных условиях объединениями, то есть армиями и более высокими организациями войск. Но вот вопрос, может ли каждый, командуя, скажем, армией, называться полководцем. Мне думается, что считаться полководцем по занимаемой им должности он может, а вот являться — это зависит от его способностей. Поэтому лично я, говоря о полководцах, имею в виду таких людей, которые являются полководцами, а не считаются ими по занимаемой должности. Командующих фронтами и армиями во время Великой Отечественной войны было немало. Были среди них и истинные полководцы. Остановлюсь я лишь на нескольких, о которых мне известно и мнение И.В. Сталина.

Начну с Ивана Степановича Конева. Нелегко дался ему начальный период войны, а вернее, первые год-полтора. Пришлось ему сталкиваться все время с отборными кадровыми гитлеровскими войсками. И все-таки не сломали его имевшие место неудачи. Его стремление воевать было огромно. Совершенствуя и совершенствуя свой полководческий талант, он добился того, что овладел управлением вверенных ему войск в такой степени, что стал проводить по плану Ставки Верховного Главнокомандования смелые и решительные, успешные операции на окружение крупных сил врага. Примером тому служат Корсунь-Шевченковская операция и Уманская наступательная операция. В последней войсками под командованием Ивана Степановича было уничтожено до 118 000 солдат и офицеров противника, более 27 000 взято в плен, не говоря уже об огромных трофеях, выражавшихся в тысячах орудий, минометов, автомашин и другого военного имущества и снаряжения.

Характер у маршала Конева был прямой, дипломатией заниматься он не умел. Комиссар еще со времен Гражданской войны, он привык общаться с солдатскими массами. В войсках его звали солдатским маршалом. Он мог вносить и вносил Верховному немало различных предложений и отстаивал свою точку зрения по ним. Был смел и решителен, отправлялся, как я уже говорил, подчас непосредственно в батальоны и роты для личного руководства боем, оставляя штаб фронта, а следовательно, и управление войсками. После внушения со стороны Сталина о недопустимости подобных явлений послушался его, оставшись, однако, при своем мнении. Осенью 1942 года в моем присутствии в разговоре с Верховным он поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя это тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, — это единоначалие, доказывал он. Ссылаясь на свою службу комиссаром в Гражданскую войну и в первые годы после нее, он говорил о том, что выходцев из рабочего класса и крестьянства в руководстве войсками тогда почти не было. А сейчас, как правило, они занимают руководящие посты в армии.

— Зачем мне нужен комиссар, когда я и сам им был, — доказывал он. (В начале 1920-х годов Конев был комиссаром 17-й Нижегородской дивизии.) — Мне нужен помощник, заместитель по политической работе в войсках, чтобы я был спокоен за этот важнейший участок работы, а в остальном я и сам справлюсь. Нужно, чтобы командир отвечал за все состояние дел в своей части, чтобы он действительно нес полную ответственность за все действия своих подчиненных. Командный состав доказал свою преданность Родине и не нуждается в дополнительном контроле. Я скажу больше: наличие института комиссаров есть элемент недоверия нашим командным кадрам, — заключил Конев.

Такая постановка вопроса, видимо, произвела определенное впечатление, ибо Сталин стал интересоваться у многих товарищей их мнением по этому вопросу. Насколько мне известно, все опрошенные высказались за правильность предложения Конева. Были, правда, отдельные товарищи, занявшие в этом вопросе выжидательную позицию.

Говоря о положительной роли комиссаров, они не высказывались определенно ни за, ни против. Решением Политбюро институт комиссаров был упразднен, как сыгравший свою положительную роль в начальный период войны и в связи с тем, что командный состав приобрел надлежащий опыт в руководстве подчиненными ему войсками.

Что касается личного отношения Сталина к Коневу, то могу сказать, что Верховный отзывался о нем всегда положительно, хотя и указывал ему на недостатки. А у кого их нет! Не раз Верховный брал его и под защиту, и был очень доволен, когда дела у Ивана Степановича пошли в гору, видимо считая, что и он имеет к этому определенное отношение. Надо прямо сказать, что награды, полученные Коневым, а также высокое звание Маршала Советского Союза, достались ему по праву и нелегко. И.С. Конев вошел в когорту заслуженных полководцев нашего государства.

О Георгии Константиновиче Жукове

Я бы сказал, что он является характерным представителем русского народа. Дело в том, что Г.К. Жуков стал полководцем, и не просто полководцем, а выдающимся полководцем, не имея, по сути дела, ни военного образования, ни общего. Все, что имелось в его, если можно так выразиться, активе — это два класса городского училища. Никаких академий он не кончал, и никакого законченного образования не имел. Все, что он имел, — это голову на своих плечах. К этому можно прибавить курсы по усовершенствованию, что, конечно, не может быть отнесено к какому-либо фундаментальному образованию, да и называются-то они курсами по усовершенствованию того, что человек уже имеет. Действительно, сколько таких самородков дала Русь за время своего существования…

Узнал я Георгия Константиновича на Халхин-Голе. Провел он там блестящую операцию по разгрому японских самураев, после чего получил в командование округ, которым успешно командовал. Война застала его в должности начальника Генерального штаба Красной Армии. Настоящий полководческий талант проявился у Жукова, когда он занял свое место там, где ему и надлежало быть, то есть в войсках. Первое, что мне стало известно, — это его деятельность под Ленинградом. Именно там проявились его воля и решительность. Это он остановил отход наших войск перед превосходящими силами противника. Проведенные им мероприятия требовали именно решительности, именно воли для их осуществления. Война — это не игра, она нередко требует чрезвычайных действий, и не каждый способен на них пойти. Хотя и короткое, пребывание Жукова в Ленинграде привело к тому, что фронт был стабилизирован. Георгий Константинович отозван в Москву и вскоре назначен командующим Западным фронтом в один из самых опасных, самых напряженных месяцев войны. Западный фронт являлся самым ответственным фронтом, находившимся на главном направлении и прикрывавшим столицу нашей Родины — Москву. Командуя этим фронтом, он показал и свой полководческий талант, и волю, и твердость, и решительность.

Стал заместителем Верховного Главнокомандующего, и его способности в военном деле получили дальнейшее развитие. Здесь, конечно, нет возможности перечислить все то, что сделано Г.К. Жуковым на данном поприще. Однако нужно сказать, что он имеет прямое отношение и к Сталинградской битве, и к битве на Курской дуге, и ко многим другим операциям. Как правило, он был в числе тех людей, с которыми Сталин советовался и к мнению которых прислушивался. Жуков бывал на многих фронтах и не однажды помогал этим фронтам, а когда требовала обстановка, по указанию Ставки и руководил боевой деятельностью этих фронтов. Под его командованием войска 1-го Белорусского фронта на заключительном этапе Великой Отечественной войны участвовали в Берлинской операции. Во взаимодействии с 1-м Украинским фронтом они овладели столицей фашистской Германии — Берлином. Вклад Георгия Константиновича в Победу

велик. Нужно сказать, что Сталин высоко ценил военные способности Жукова, и я думаю, что нет второго такого человека, который получил бы столько наград и был бы так отмечен, как он.

Что касается отношений Верховного с Георгием Константиновичем, то эти отношения я бы назвал сложными. Имел Верховный претензии и по стилю работы Жукова, которые, не стесняясь, ему и высказывал. Однако Сталин никогда не отождествлял личных отношений с деловыми, и это видно хотя бы по всем тем наградам и отличиям, которые получены Жуковым. В книге авиаконструктора А.С. Яковлева говорится, что Сталин любил Жукова. Это, к сожалению, действительности не соответствует. Стиль общения с людьми после ухода из жизни Сталина у Георгия Константиновича, к сожалению, не изменился, я бы сказал, он даже обострился, это и привело к тому, что ему пришлось оставить работу. Я был, пожалуй, единственный из маршалов, который посетил его сразу после освобождения от должности министра обороны, хотя отношение Георгия Константиновича лично ко мне не было лучшим. Своим посещением я хотел показать, что мое уважение к его военному таланту, воле, твердости и решительности остается у меня, несмотря на его личное положение, независимо от того, является ли он министром обороны или просто гражданином Советского Союза.

Хотя бы одним примером хочу я показать его военные дарования, его способности предвидения. При обсуждении Восточно-Прусской операции А.М. Василевский весьма оптимистично докладывал ее возможное проведение. Когда Верховный поинтересовался мнением Жукова, тот сказал, что полагает — пройдут многие недели, а может быть и месяцы, прежде чем мы овладеем Восточной Пруссией. Дальнейший ход событий показал правоту Георгия Константиновича. Каких усилий стоило нам проведение этой операции… Деятельность Г.К. Жукова в годы войны была отмечена и тем, что именно ему поручено было принимать парад на Красной площади.

О Маршале Советского Союза Александре Михайловиче Василевском

Если И.С. Конев и Г.К. Жуков имеют что-то общее между собой и есть что-то общее в их характерах, то А.М. Василевский не походит ни на одного из них. Стиль работы Александра Михайловича является примером стиля работника штаба крупного масштаба. Сталин сразу заметил эти способности Василевского и, как это он делал со многими другими товарищами, все больше и больше общался непосредственно с ним. Борис Михайлович Шапошников к тому времени не обладал уже таким здоровьем, которое давало бы ему возможность работать с нагрузкой, которая требуется на войне. Нередки были случаи, когда, не считая для себя возможным сидеть в присутствии Сталина, он выходил в приемную и присаживался отдохнуть. Работая изо всех сил, он старался не показывать состояния своего здоровья.

Наконец летом 1942 года Сталин в моем присутствии заговорил с Борисом Михайловичем о его здоровье, и здесь Шапошников сказал, что ему трудно работать. Отношение Сталина к Шапошникову было весьма теплым. Обращался он к нему только по имени и отчеству. Верховный спросил, почему же он об этом молчал раньше. Борис Михайлович ответил, что в условиях войны он не считал себя вправе ставить такие вопросы. На вопрос, чем он может заняться, последовал ответ, что с удовольствием пошел бы на академию. Когда Сталин спросил, кто может его заменить, Шапошников назвал Василевского. Предложение Бориса Михайловича полностью соответствовало и мнению Верховного. Так Александр Михайлович стал начальником Генерального штаба.

Не ошиблись в этом ни Шапошников, ни Сталин. Замена начальника Генерального штаба не сказалась в худшую сторону, наоборот, работа Генштаба в дальнейшем совершенствовалась. Василевский оказался достойным преемником и оказывал Верховному огромную помощь в его деятельности. Василевский обладал особыми способностями в умении обобщить получаемые доклады и данные с фронтов, доложить их Верховному, изложить имеющиеся предложения по дальнейшему ходу боевых действий на том или ином фронте, а также изложить точку зрения Генерального штаба, если она разнилась с предложениями, полученными от командования фронта. Такт в общении с людьми, с командующими фронтами и другими товарищами создавал ему определенный авторитет. Он охотно докладывал по просьбе товарищей их мнения Верховному, но, если у него бывали другие мнения по затронутому вопросу, он их высказывал. И наоборот, поддерживал те мнения, с которыми был согласен. Нужно, однако, здесь сказать, что Верховный тоже имел свои мнения, которые подчас не совпадали ни с мнениями, ни с предложениями, вносимыми Генеральным штабом.

Будучи образованным человеком, Василевский обладал объемным мышлением и широким кругозором, что, конечно, помогло ему в работе. После финской войны он принимал участие в определении нашей государственной границы с Финляндией. Проявил при этом незаурядные способности, В.М. Молотов даже пытался забрать его в наркомат иностранных дел. В достаточной мере зная Александра Михайловича, я лично убежден в том, что если бы он был отпущен из наркомата обороны в МИД, он достиг бы больших успехов и на дипломатическом поприще. У Сталина он пользовался безусловным доверием и авторитетом. Скромность Василевского была его характерной чертой. Он никогда и нигде не подчеркивал своего высокого положения, а также и отношения Верховного лично к нему. Так же как и Г.К. Жуков, Александр Михайлович заслуженно получил все награды, которые существовали в то время в нашем государстве. Ему уже в 1943 году было присвоено высшее воинское звание Маршала Советского Союза. Александр Михайлович относится к когорте тех людей, которые внесли наибольший вклад в разгром врага.

И, наконец, из целой плеяды военачальников я хочу остановиться на личности **Константина Константиновича Рокоссовского.** Пожалуй, это наиболее колоритная фигура из всех командующих фронтами, с которыми мне довелось встречаться во время Великой Отечественной войны.

С первых же дней войны он стал проявлять свои незаурядные способности. Начав войну в Киевском Особом военном округе в должности командира механизированного корпуса, он уже в скором времени стал командующим легендарной 16-й армией, прославившей себя в битве под Москвой. Сколь велика была его известность у противника, можно судить по следующему эпизоду. У командующего 10-й армией генерала Ф.И. Голикова не ладились дела под Сухиничами, которыми он никак не мог овладеть. Был направлен туда Рокоссовский, который открытым текстом повел по радиосвязи разговоры о своем перемещении в район Сухиничей, рассчитывая на перехват этих переговоров противником. Расчет оказался верным. Прибыв под Сухиничи, Рокоссовскому не пришлось организовывать боя за них, так как противник по его прибытии туда оставил город без сопротивления. Вот каким был Рокоссовский для врага еще в 1941 году! Его блестящие операции по разгрому и ликвидации более чем трехсоттысячной армии Паулюса, окруженной под Сталинградом, его оборона, организованная на Курской дуге с последующим

разгромом наступающих войск противника, боевые действия руководимых им войск в Белорусской операции снискали ему славу великого полководца не только в нашей стране, но и создали ему мировую известность. Вряд ли можно назвать другого полководца, который бы так успешно действовал как в оборонительных, так и в наступательных операциях прошедшей войны. Благодаря своей широкой военной образованности, огромной личной культуре, умелому общению со своими подчиненными, к которым он всегда относился с уважением, никогда не подчеркивая своего служебного положения, волевым качествам и выдающимся организаторским способностям он снискал себе непререкаемый авторитет, уважение и любовь всех тех, с кем ему довелось воевать.

Обладая даром предвидения, он почти всегда безошибочно разгадывал намерения противника, упреждал их и, как правило, выходил победителем. Сейчас еще не изучены и не подняты все материалы по Великой Отечественной войне, но можно сказать с уверенностью, что когда это произойдет, К.К. Рокоссовский, бесспорно, будет во главе наших советских полководцев.

Несмотря на то что Константин Константинович был до войны репрессирован и провел немалое время в заключении, он не потерял ни веры в партию, членом которой состоял, ни веры в руководство страны, и остался столь же деятелен и энергичен, каким он был всегда. Годы заключения не сломили, а закалили его.

С большим уважением, с большой теплотой относился к Рокоссовскому Сталин, он по-мужски, то есть ничем не проявляя это на людях, любил его за светлый ум, за широту мышления, за его культуру, скромность и, наконец, за его мужество и личную храбрость. Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б.М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский стал вторым человеком, которого Сталин стал так называть. Битва на Курской дуге закрепила отношение Верховного к нему. Я уже говорил о том, что результаты битвы на Курской дуге были бы еще большими, если было бы принято предложение Константина Константиновича о едином командовании, то есть объединении двух фронтов — Воронежского и Центрального в один, ибо стратегическое положение этих фронтов требовало единого руководства. Большинство тогда вместе с Верховным не согласилось с этим, и все же Рокоссовский оказался прав.

Рокоссовскому, как лучшему из лучших командующих фронтами, было предоставлено право командовать Парадом Победы на Красной площади. И встретились здесь вновь два выдающихся полководца нашего времени — Г.К. Жуков и К.К. Рокоссовский — уже не на поле брани, а празднуя Победу. Один — принимая парад, другой — командуя им. Заслуги Константина Константиновича перед Родиной также были высоко оценены нашей партией и правительством, он получил достойные награды, и ему было присвоено высокое звание Маршала Советского Союза.

Очень жаль, что книга К.К. Рокоссовского «Солдатский долг» (М., 1968) вышла уже после его смерти. Мне почему-то думается, что при нем она была бы и больше по объему и лучше, откровеннее написана…

Были у нас и другие достойные полководцы, и к ним, на мой взгляд, в первую очередь следует отнести Леонида Александровича Говорова, Кирилла Афанасьевича Мерецкова, Федора Ивановича Толбухина, Родиона Яковлевича Малиновского и других. Из специальных родов войск, хотя бы по одному, я назвал бы танкиста маршала Павла Семеновича Рыбалко, артиллериста маршала Василия Ивановича Казакова, летчика генерала Тимофея

Тимофеевича Хрюкина, связиста маршала Ивана Терентьевича Пересыпкина и инженера генерала Аркадия Федоровича Хренова.

В заключение следует, мне кажется, остановиться и на нашем партизанском движении и подвести и здесь некоторые объемные итоги. Насколько мне удалось, я не знаю, но надеюсь, что из этого повествования видно — партизанское движение, стремительно разраставшееся в тылу врага, достигло таких размеров, что не будет преувеличением назвать его вторым фронтом советских людей в тылу противника. Вы только посмотрите на деятельность авиации, обеспечивающей боевые действия партизан! Тысячи полетов в тыл врага, к партизанам. Десятки тысяч переброшенных людей, тысячи тонн доставленных боеприпасов, вооружения, снаряжения. Эти цифры говорят о том, что партизанское движение — не какой-то эпизод в ходе Великой Отечественной войны, а это было организованное, руководимое партией и руководством страны, огромных масштабов движение. Даже не движение, а настоящая война в тылу противника. Много уже вышло в свет литературы о деятельности различных партизанских отрядов, бригад и других партизанских подразделений и объединений. Однако книги, где были бы обобщены все данные с начала организации партизанского движения и до его конца, где были бы показаны успехи партизанского движения в целом и его трудности, определен урон, нанесенный им противнику за всю войну, а также сколько личного состава входило в эту армию партизан и многие другие данные, которые показали бы всю полноту, всю значимость этого движения, пока нет. Нужно сказать, что авиация в партизанском движении, в партизанской войне сыграла исключительную роль. Она также сыграла не меньшую роль и в выполнении специальных полетов по глубоким тылам врага.

Вновь остановлюсь и на фигуре Верховного Главнокомандующего — И.В. Сталина. Он проходит в моем повествовании, если можно так выразиться, красной нитью, однако здесь нет ничего удивительного, поскольку у меня не было каких-либо других руководителей, кроме него, я бы даже подчеркнул, кроме лично него. Об этом я уже говорил. Почему Верховный решил лично руководить боевой работой дивизии, а затем всей АДД, и не разрешал заниматься этим делом кому-либо другому из руководящих товарищей, я высказывал свои предположения и считаю, что эти предположения близки к истине, хотя безапелляционно утверждать этого не могу. Как это ни покажется странным, и я второго такого случая не знаю. Материалы, находящиеся в Центральном архиве Министерства обороны, однозначно подтверждают это. Вот почему так тесно связано мое повествование с именем Верховного, ибо все, что делалось АДД, исходило непосредственно от него. Прямое и непосредственное общение с И.В. Сталиным дало мне возможность длительное время наблюдать за его деятельностью, его стилем работы, наблюдать за тем, как он общается с людьми, за его стремлением, как это ни покажется странным, вникать даже в мелочи, в детали того вопроса, который его интересует.

По моим наблюдениям, мнительность и подозрительность были спутниками Верховного, в особенности это касалось людей с иностранными фамилиями. Мне даже случалось убеждать его в безупречности тех или иных товарищей, которых мне довелось рекомендовать для руководства определенной работой. Например, А.И. Берга, который, как помнит читатель, был назначен заместителем председателя Совета по радиолокации при ГКО. Верховный с пристрастием расспрашивал у меня все, что я знаю о Берге.

Однако, изучив того или иного человека и убедившись в его знаниях и способностях, он доверял таким людям, я бы сказал, безгранично. Но, как говорится, не дай Бог, чтобы такие люди проявили себя где-то с плохой стороны. Сталин таких вещей не прощал никому.

Было бы наивным утверждать, что И.В. Сталин имел только положительные качества. Даже он сам, эти слова приведены мной в повествовании, говорил, что люди в Сталине видят только одно хорошее, но таких людей на свете нет.

Что касается 1937–1938 годов, то, хотя я и не знал тогда Сталина и не общался с ним, но нужно прямо сказать, что эти годы являются черными страницами в истории нашей Родины, и Сталин, являясь Генеральным секретарем нашей партии, несет за это ответственность в первую очередь. Это не является темой моего повествования, но я считаю для себя обязательным сказать об этом. Однако противопоставлять эти события тому положению, тому месту, которое занимал И.В. Сталин в ходе войны, будет неправильным, будет не соответствовать действительности, точно так же, как если мы будем пытаться оправдать события 1937–1938 годов и искать оправдания Сталину в проводимых им мероприятиях тех годов, хотя мы и знаем, что помощников в этом деле было более чем достаточно.

Кроме случая с Берия, описанного мной, больше ни разу не довелось мне видеть Верховного в состоянии гнева или в таком состоянии, когда бы он не мог держать себя в руках. Вполне возможно, что другие товарищи с этим сталкивались, раз они об этом сами пишут. Лично со мной Сталин никогда не разговаривал в грубой форме, однако весьма неприятные разговоры имели место. Дважды за время войны подавал я ему записки с просьбой об освобождении от занимаемой должности. Причиной подачи таких записок были необъективные, неправильные суждения о результатах боевой деятельности АДД, полученные им от некоторых товарищей. Бывает и так, когда у самого дела не идут, нужно в оправдание на кого-то сослаться. Подача таких записок не вызвала какого-либо изменения в отношении ко мне Сталина, хотя тон этих записок был не лучшим. Этим я хочу подчеркнуть, что Сталин обращал внимание на существо и мало реагировал на форму изложения.

Не раз я задавал себе вопрос: всегда ли был Сталин таким, каким я его увидел, таким, каким он был во время войны? Ведь до 1941 года я его никогда не видел, и представление мое о нем, как я уже упоминал вначале, не было, образно говоря, лучшим. Могу сказать одно — я не имею основания утверждать или с чьих-либо слов предполагать, что за все время моего общения с И.В. Сталиным отношение его к другим военачальникам как-либо разнилось с отношением ко мне. Отношение его к людям соответствовало их труду, их отношению к порученному им делу.

Работать со Сталиным, прямо надо сказать, было и не просто, и не легко. Обладая сам широкими познаниями, он не терпел общих докладов, общих формулировок. Ответы на все поставленные вопросы должны были быть конкретны, предельно кратки и ясны. Туманных, неясных ответов он не признавал и, если такие ответы были, не стесняясь, указывал на незнание дела тем товарищем, который такие ответы давал. Мне ни разу не довелось наблюдать, чтобы для этого он подыскивал какие-либо формулировки, и в то же самое время мне ни разу не довелось быть свидетелем, чтобы он кого-либо унизил или оскорбил. Он мог прямо, без всякого стеснения заявить тому или иному товарищу о его неспособности, но никогда в таких высказываниях не было ничего унизительного или оскорбительного. Была констатация факта. Способность говорить с людьми безо всяких оби-

няков, говоря прямо в глаза то, что он хочет сказать, то, что он думает о человеке, не могло вызвать у последнего чувство обиды или унижения. Это было особой, отличительной чертой Сталина.

Длительное время работали с ним те, кто безупречно знал свое дело, умел его организовать и умел им руководить. Способных и умных людей он уважал, подчас не обращая внимания на серьезные недостатки в их личных качествах, но, прямо скажу, бесцеремонно вмешивался в дело, если оно шло не так, как он считал нужным, уже не считаясь с тем, кто его проводит. Тогда он, не стесняясь, выражал со всей полнотой и ясностью свое мнение. Однако этим дело и кончалось, и работа шла своим чередом. Если же он убеждался в неспособности человека, время на разговоры с ним не тратил, а освобождал его от непосильной, с его точки зрения, должности.

Авторитет И.В. Сталина в ходе Великой Отечественной войны был абсолютно заслужен и предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров. Это неоспоримый факт, противопоставить которому никто ничего не может. Описывая ход событий в Великой Отечественной войне, я старался освещать все с позиций, существовавших в то время как в Красной Армии, в ее руководстве, так и среди населения нашего государства.

Патриотизм советского народа, его отношение к труду, к выполнению своих обязанностей, эффективность руководства можно продемонстрировать еще одним примером. В считанные годы, в это сейчас трудно даже поверить, ликвидировав все последствия войны, той разрухи, которую учинили гитлеровские захватчики, встала крепко на ноги наша Родина.